

Коммунальная антропология

Д. А. ФОМИН, кандидат экономических наук,
Новосибирский государственный технический университет

Сам по себе жанр комментариев не предполагает изложения собственных представлений о предмете повествования. Упраздняет эту задачу также то, что эти представления уже изложены¹.

Для начала замечу, что статья И.А. Огнева содержит убедительный перечень фактов и показателей, интерпретация которых дает представление о ситуации в коммунальном хозяйстве как кризисной. Эту часть работы можно назвать основной. Если подходить к изложенным аргументам достаточно объективно, то следует некоторые из них признать надуманными. Трудно, например, поверить в то, что 70% населения страны «с трудом осиливают коммунальные платежи». Или как можно безоговорочно признать заявление главы Минрегиона о том, что потребность коммунальной отрасли в инвестициях составляет 4 трлн руб., не видя и не анализируя расчетов этой потребности? Далеко не всегда и не всему можно верить из того, что публикуют авторитетные издания и говорят ответственные лица.

Приводимые данные и общая характеристика отрасли не вызывают неприятия – в общем и целом все правильно и верно. Другое дело, что такие суждения и оценки совсем не редкость в периодической и деловой литературе. Пожалуй, в России нет человека, который бы осмелился заявить, что коммунальное хозяйство – это эффективная отрасль, чье устойчивое функционирование позволяет решать насущные проблемы населения. Так или иначе из этой части статьи мне не удалось извлечь ничего нового и интригующего.

Но вот о чем стоит порассуждать в формате комментариев – это о четко обозначенной автором линии на коммунальном фронте, расколовшей общество на «мы» и «они». «Мы» – это население, исправно и добросовестно осуществляющее коммунальные платежи, но при этом получающее коммунальные блага все более

¹ Фомин Д. А., Ханин Г. И. Коммунальная антиутопия // ЭКО. – 2007. – № 7. – С. 42–46; Фомин Д. А., Ханин Г. И. Воспроизводство материально-технической базы в сфере коммунальной инфраструктуры // Экономика и математические методы. – 2009. – № 3. – С. 28–39.

© ЭКО 2010 г.

худшего качества и по растущим тарифам. «Они» – коррумпированные чиновники и бизнесмены, реализующие свои сросшиеся интересы на различных «откатах» и «распилах» фондов отрасли.

По большому счету, автор на коммунальном материале поднимает классическую проблему отношений общества и его элиты. Завершается статья не менее классическим вопросом – до каких пор «мы» будем «их» терпеть?! Собственно говоря, на вопросы нужно отвечать. Если этого не сделал автор, долг перед читателями, наверно, следует выполнить комментатору.

Было бы большой ошибкой и недостойной самонадеянностью считать сегодняшнюю российскую ситуацию чем-то особенным и исключительным. Такие случаи возникали не раз на протяжении человеческой истории. Поэтому обращение к истории человеческих обществ может быть весьма продуктивным².

Индейцы майя за 2500 лет создали великую цивилизацию в Центральной Америке. Пик достижений цивилизации пришелся на середину VIII века. Но затем густонаселенные районы южного Юкатана испытали коллапс: между 760 и 910 гг. правители были свергнуты, обширные области опустели, от населения осталось не более 10%. Главным фактором деградации было сведение лесов, вызвавшее эрозию почвы и засуху. Из-за низких урожаев возникла проблема голода, которая усугубилась потом постоянными войнами за контроль над уменьшающимися ресурсами. Правители майя не обращали внимания на сокращение лесов и гибель народа по одной простой причине: они имели возможность изолировать себя от общества, в условиях изоляции поддерживать чрезвычайно высокий уровень потребления и тем самым не участвовать во всем этом. Усилия правителей были направлены на властные интриги и откровенную демонстрацию своих материальных возможностей. Что приобрела элита в результате своей изолированности от общества? Лишь одно – право умереть от обрушившихся на общество бедствий последней.

Впрочем, человеческая история глупостями не исчерпывается – ведь в противном случае человечества уже не было бы. В качестве другого примера можно привести Японию XVII века. После 150 лет непрерывной гражданской войны страна переживала взрывной рост населения и строительства. Следствием демографического и строительного бума стало сведение лесов. Осознав

² На эту тему существует обширная научная и популярная литература. Краткое изложение эволюции разных обществ можно прочитать, например: *Даймонд Д.* Приказали долго жить // *Esquire*. – 2007. – Сент. – С. 120–122.

опасность, элита Японии предприняла ряд действенных мер по спасению лесов: были созданы легкие строительные конструкции, а также экономичные печи, в качестве топлива пришел каменный уголь. Одновременно массово стала практиковаться высадка леса.

Опыт Японии показывает необходимость согласования долгосрочных общественных интересов в целом антагонистических социальных групп крестьян и сегунов. Первые хотели сохранить землю и передать ее потомкам, вторые – власть над первыми, и также передать ее потомкам. До сих пор Япония – страна лесов. На их долю приходится свыше 65% территории. Это один из самых высоких показателей в мире.

Еще один пример – Голландия. Представители правящего класса страны все последние столетия селились там же, где и остальное население, – в местах, находящихся ниже уровня моря и потому подверженных затоплению. Любой представитель элиты прекрасно понимает, что если общественная (коммунальная) система дамб и насосов даст сбой, то он будет вынужден вместе со всеми разделить участь. Именно это и произошло во время наводнения в феврале 1953 г.

Однако какое отношение все это имеет к сегодняшней России? Самое прямое. Зачем развивать общественный транспорт, когда проще и лучше правящему классу ездить на машинах с мигалками? Зачем ремонтировать городские дороги, когда есть возможность приобрести комфортабельные проходимые машины? Зачем думать об общественном здравоохранении, когда есть сеть закрытых или частных лечебных учреждений? Нужно ли наводить порядок в правоохранительных органах, когда имеется целая сеть частных охранных предприятий? Стоит ли думать о том, какая вода течет из под крана, если есть фирмы, доставляющие чистую бутылированную воду?

Коммунальное хозяйство убивают не взятки и воровство (в конце концов, эти проблемы решаемы – если, конечно, их решать), а индивидуальные системы жизнеобеспечения, позволяющие отделить проблемы небольшой части общества от проблем всего общества. Коммунальное хозяйство перестает существовать тогда, когда оно перестает быть таковым. Эта, в общем-то простая, мысль удивительным образом никак не может дойти до наших соотечественников.

Какое значение имеет состояние коммунального городского хозяйства для жителей загородных богатых районов, имеющих

автономные системы производства коммунальных благ? Сегодняшняя российская элита не намерена ставить свое благополучие в зависимость от общественных институтов и коммунальной инфраструктуры и жить, условно говоря, «ниже уровня моря», не огласна.

Достаточно понятно поведение правящего слоя – долгосрочная перспектива у него вполне успешно заменена текущими меркантильными интересами. К тому же, в отличие от древних правителей майя, у него есть отступной путь – граница. Однако о чем думают рядовые граждане, идеализирующие, например, французские газотурбинные установки «Альстом»? Но если бы дело ограничивалось только ими. Несколько лет назад я делал доклад на тему коммунального хозяйства в одном как будто бы приличном научном учреждении. Никакого понимания там не встретил. Практически все слушатели сошлись на мнении о том, что будущее за малыми и индивидуальными системами обогрева, водоснабжения и генерации электроэнергии.

Стоит еще хотя бы кратко остановиться и на институциональных изменениях, происшедших в коммунальной отрасли за последние годы. Прежде всего – о принятом в октябре 2003 г. законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». С принятием этого закона государство сняло с себя всякую ответственность за состояние коммунальной инфраструктуры. Сейчас вопросы обеспечения населения теплом, водой, тепловой и электрической энергией являются вопросами местного значения, а потому находятся в исключительной компетенции органов местного самоуправления.

И если, например, в муниципальном образовании г. Тюмень вовремя не ремонтируются тепловые сети, а вода плохого качества, то это вина исключительно исполнительного органа местного самоуправления, то есть администрации города. А тарифы на коммунальные услуги устанавливает законодательный орган города в лице депутатов. Последних, кстати, выбирают сами жители г. Тюмени. Вот куда и кому нужно адресовать свои претензии. Почитайте внимательно главу третью закона, и все станет ясно. Что же касается публичных выступлений на тему коммунальных тарифов президента страны и крупных федеральных чиновников, то это исключительно политические заявления. Их единственная цель – снизить накал общественных страстей. Так что не стоит все это воспринимать всерьез.

Или взять такой аспект коммунальной реформы, как монополизация рынка коммунальных услуг, появление на нем частных управляющих компаний и самоуправляемых обществ (товариществ собственников жилья). Это типичный либерально-индивидуалистический подход к общественным ценностям, доставшимся стране с советских времен. Растаскивание единого комплекса на отдельные куски и организационная раздробленность отрасли сами по себе ничего хорошего дать не могут.

Обостряет проблему и социальный фактор. В прежние годы коммунальные предприятия выполняли функцию аккумуляции средств и их перераспределения между новыми жилыми постройками и старыми. Повсеместное создание ТСЖ в новых домах, в которых низкие затраты на текущий и капитальный ремонт и живет наиболее платежеспособное население, неизбежно приведет к резкой дифференциации качества жизни. Пострадавшими от такой реформы станут небогатые жители старых разрушающихся домов. Скорее всего, в самое ближайшее время будут появляться масштабные по своим размерам зоны бедствия, население которых не будет иметь финансовой возможности содержать дома и при этом лишится всякой государственной и общественной поддержки.

В чем я полностью согласен с И.А. Огневым, так это не в том, что есть в статье, а в том, чего в ней нет. А нет в ней рекомендаций и предложений властям, как исправить ситуацию в коммунальной отрасли. И не потому, что такие предложения отсутствуют, а меры невозможны. Предложения есть и меры возможны. А потому, что сегодняшнее российское государство все равно ничего делать не будет. Среди приличных людей уже давно стала моветоном разработка различных государственных «программ», «стратегий», «концепций», «предложений» и т.д. Помимо общего идиотизма, который несут в себе эти «научные разработки», они создают иллюзию вменяемости власти и ее заинтересованности в решении общественных проблем. Но это – не более чем иллюзия.

Но только ли все дело во власти? Самое важное сейчас при обсуждении проблем коммунального хозяйства – это совсем не проблемы высоких тарифов. И даже не проблема изношенности фондов. Здесь давно все и всем уже понятно. Самое важное в том, **где взять средства на восстановление отрасли?** Точнее, колоссальные средства. Напомню, что по нашим с Г.И. Ханиным расчетам,

объем накопленного за 20 лет дефицита инвестиций примерно равен половине годового ВВП России. Где взять такие средства на восстановление фондов отрасли? Только у населения. Причем не только у богатого (этих средств, как показывают расчеты, будет недостаточно), но и у людей со средним доходом.

По сути, сегодня все российское население, независимо от размера своего дохода, является заложником итогов двадцатилетнего разграбления страны, своей общественной пассивности и политического безразличия. Готово ли сейчас общество пойти на такие жертвы? Думаю, отрицательный ответ очевиден. Но как решить эту проблему в будущем? Только одним – еще большими жертвами.

По моему глубокому убеждению, изменить сегодняшнюю ситуацию способно одно – катастрофа. Крупная и масштабная катастрофа, которая затронет и потрясет все общество. Катастрофа, по сравнению с которой разрушение крупнейшей гидроэлектростанции, взрыв крупнейшей шахты или массовые лесные пожары покажутся невинными детскими утренниками. Сегодняшнее российское общество и его элита не располагают никакими превентивными возможностями, и потому бескризисный сценарий развития будущего просто невозможен. Вполне вероятно, что коммунальный кризис в предстоящих общественных преобразованиях сыграет такую же роль, как отсутствие хлеба в Петрограде в феврале 1917 г. Или пустые полки магазинов накануне гибели СССР. Коммунальная сфера играет очень большую роль в жизни общества и потому вполне годится на роль механизма, детонация которого может повлечь серьезную социальную трансформацию.

Когда все это произойдет? Расчеты показывают, что очень скоро. Возможно, коммунальное хозяйство начнет давать масштабные сбои уже этой зимой. Возможно, запаса прочности хватит еще на несколько лет. Вопрос времени здесь уже не принципиален. Принципиален другой вопрос – это как выжить социуму в условиях распада жизнеобеспечивающих систем, выжить в условиях тяжелейшего экономического и политического кризиса. *От ответа на этот вопрос зависит слишком многое. Нет никакого сомнения, что поиск ответа на него – занятие более продуктивное и осмысленное, чем описание сегодняшних реалий или наивные апелляции к власти.*